

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП
2023-2024 УЧЕБНЫЙ ГОД
9 КЛАСС

Рекомендуемое время выполнения заданий - 180 минут

№ задания	1	2	Итого
Макс. балл	40	60	100
Баллы, полученные участником			

Задание 1. «ЭХ, КОНИ, КОНИ, ЧТО ЗА КОНИ!...»

Прочитайте.

А) Между тем как лошадей моих перепрягали, я любопытствовал, рассматривая доставшиеся мне бумаги. <...> Между многими постановлениями, относящимися к восстановлению по возможности равенства во гражданах, нашёл я **табель о рангах**. <...> Но теперь дуга коренной лошади звенит уже в колокольчик и зовет меня к отъезду; и для того я за благо положил лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущего на почте, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для **почтовой клячи**, быть иноходцем или скакуном? - нежели заниматься тем, что не существует.

(А.Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву»)

Б) Прочтя печальное посланье,

[.] тотчас на свиданье

Стремглав **по почте поскакал**

И уж заранее зевал,

Приготовляясь, денег ради,

На вздохи, скуку и обман.

1. Объясните, что означают выделенные выражения.

2. Напишите имя автора отрывка Б) и имя главного героя произведения, пропущенное в отрывке Б).

3. Представьте, что лошади наделены даром речи. Напишите монолог почтовой лошади: как ей живётся, кого приходится возить, как с ней обращаются.

Упомяните другие произведения русской литературы, упоминающие почтовых лошадей.

Объём - 150-200 слов.

Максимальный балл - 40

Задание 2. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём - 300-400 слов.

Вариант 1.

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805-1827)

13 АВГУСТ¹

Если в семнадцать лет ты презираешь сказки, любезная Сонюшка, то назови моё марианье повестью или придумай ему другое название. Но прежде всего дай мне написать эту сентенцию:

Tous les contes ne sont pas des fables².

¹ Сестра Д.В. Веневитинова Софья родилась 13 августа 1808 г. Этюд написан к её семнадцатилетию

² Сказки - не басни (фр.)

В счастливой стороне (не знаю, право, где) жила мирная чета. Не будем справляться об её чине и фамилии, тем более, что родословные книги об ней, конечно, умалчивают и что тебе в том нужды никакой нет. Только то мне известно, что добрый муж с женою усердно поклонялись богам и ежегодно приносили им в жертву по два лучших баранов из своего стада. За то боги недолго были глухи к их молитвам и вскоре наградили их добродетель исполнением их желаний. Счастливый отец с восторгом прижал к груди маленькую дочь свою, ребёнка прекрасного, и, любуясь её живыми, голубыми глазами и свежую невинною краскою её ланит, назвал её Пленирою и заклал ещё двух баранов в честь богам, для того чтоб они ниспослали на дочь его все блага земные.

Боги вторично услышали его молитву, и три жителя или, лучше сказать, три жительницы небесные явились у него с дарами. Одна блистательная, в одежде яркой, казалось, в один миг промчалась чрез всё пространство, отделяющее небо от земли. Если б такая же очаровательница прилетела вдругко мне в то время, как я пишу, читаю, мечтаю или наслаждаюсь тем, что италийцы называют: *il dolce far niente*³, или хоть во сне, то по огню, пылающему в её очах и на её ланитах, по волшебному, лёгкому, но величественному стану, по длинным светлым локонам, развевающимся в быстроте стремления, по дивному голосу и по пламенным речам, возбуждённым одним чувством, я бы недолго остался в недоумении и скоро узнал бы в ней богиню искусств. С небесною улыбкою милости она вручила удивлённому отцу драгоценную, звучную арфу для Пленеры, примолвила, что когда будет семнадцать лет его дочери и когда в первый раз она заиграет на этой арфе, то почувствует всю цену сего подарка, и вдруг исчезла.

Другая, мнилось, сосредоточила в себе все лучи небесных светил. Сквозь тонкую, прозрачную одежду слабые очи смертных не дерзали взирать на пламенный цвет её тела; все черты лица её горели огнем, незнакомым для нас, огнем истины. В величественном, быстром и смелом полёте своём она, казалось, залила вселенную, и яркий свет, разливающийся от неё во все стороны, ослеплял взор. Она держала зеркало, в котором все предметы отражались так же верно, как в сердце ещё чистом, и, примолвя, что Пленера в семнадцать лет почувствует всю цену сего подарка, исчезла. После неё в комнате сделалось так темно, что ты подумала бы, милая Сонюшка, что уже настал час ночи, и удивилась бы, когда б увидела в окно яркое солнце, которое катилось в ясном небе, в самый полдень.

Третья... Ах, как пленительна она! Нежный, неописуемый стан, покрытый одеждою белую, как снег, скромная и даже неверная походка, самая неопределённость черт лица, выражающих одно гармоническое чувство невинности, таинственность взора, осенённого длинными ресницами, сими защитами против испытующих взглядов, всё в ней исполняло душу глубоким, очаровательным, неизъяснимым чувством. С алою краскою стыдливости и с улыбкою скромности положила она на Пленеру прозрачное, белое покрывало, примолвила, что в семнадцать лет она должна испытать цену сего подарка, и исчезла, как лёгкий, приятный сон, оставляющий долгое воспоминание.

Я не буду тебе описывать, милая, с какою тщательностию родители старались о воспитании Пленеры. Довольно того, что они не щадили никаких стараний, никаких пожертвований для неё, хранили её, как драгоценный, единственный цветок, блистающий для них на поле жизни, не оставляли её ни на шаг одну, описали около неё круг, в котором она видела и угадывала одно только доброе, высокое на земле, и из которого в семнадцать лет вылетела бабочка прелестная, с красками свежими, напитанная одним только медом.

С каким нетерпением Пленера ждала решительного дня! Как ей хотелось до времени иметь семнадцать лет, чтобы поскорее насладиться подарками неба. Счастливая! Она не знала, что надежда есть лучшее наслаждение на земле.

Наконец, настало давно ожидаемое время. Пленеру поутру нарядили просто; но вся её одежда

³Безделие, приятное ничегонеделание (итал.)

так к ней пристала, что ты приняла бы её за какую-нибудь волшебницу или богиню, слетевшую с неба для того, чтобы обмануть нас собою. В белом лёгком платье она, казалось, летела, рассекая воздух и не касаясь земли; из прекрасной рамки тёмно-русых длинных локонов пленительное лицо её разливало со всех сторон удовольствие, которое она сама чувствовала, и прозрачное покрывало, дар бесценный, небрежно было поднято на лилейном челе.

В этот радостный день родители Пленеры созвали своих приятелей и знакомых, чтобы разделить с ними своё счастье. После нескольких забавных игр и весёлых речей принесли богатую арфу, на которой Пленера ещё никогда не играла, и все в ожидании составили безмолвный круг. Пленера, дыша радостью, с глазами, исполненными огня нетерпения, прислонила к себе арфу, и нежные персты её покатались по громким струнам. Стройные, величественные звуки остановили внимание всех, и все ожидали, как разрешится волшебная таинственность первого solo. Но когда после нежного, унылого адажио слезы брызнули из глаз, и когда вдруг раздалась музыка пламенная, быстрая, и восторг одушевил всех, и все желания невольно устремились к чему-то бесконечному, непонятному, и всё, и всё исполнилось жизни, то Пленера уже не могла воздержаться своей радости. Все черты лица её были упоены восторгом, в глазах её горело чувство удовольствия; но то не было довольствие самой себя. Нет. Она восхищалась своими успехами; она радовалась удивлению, возбуждённому ею во всех слушателях.

Довольная первым подарком, с любопытством устремилась она в другую комнату к зеркалу, в которое она также ещё никогда не смотрела и с которого сдернули завесу. Ах! что увидела она в нём! Какую неизъяснимую красоту, в чертах которой сияла одна радость, один восторг! Пленера не могла отстать от зеркала; она любовалась самой собою, как вдруг покрывало опустилось нечаянно с чела и всё закрыло перед ней - и зеркало и прелестное изображение. Тогда познала она могущество третьей богини. Тайный укор заменил в ней прежнее чувство упоения; пурпур стыдливости зажег её ланиты, и в раскаянии своём она хотела разбить зеркало и арфу, виновников первого её негодования на себя; но нежная рука подымает её покрывало, и Пленера видит пред собою воздушную, прекрасную деву, со взором скромным, с длинною ресницею. «Ты не узнаёшь меня, - тихо говорит дева. - Я подарила тебе это покрывало. Познай теперь всю цену моего подарка. Это покрывало скромности. Носи его всегда на себе, и всякий раз, как чувство новое, тебе незнакомое, овладеет твоею душою, вспомни обо мне, вспомни о покрывале скромности». Дева исчезла.

Пленера поклялась никогда не презирать её подарка. С тех пор как часто играла она на арфе, как часто смотрела в зеркало, и всегда была довольна собою.

Вот конец моего рассказа. Но ты теперь с любопытством спросишь у меня, кто эта Пленера? Любезная Сонюшка, спроси у других; они, верно, угадали.

(1825)

Вариант 2

Василий Андреевич Жуковский (1783-1852)

УЛЛИН И ЕГО ДОЧЬ

Был сильный вихорь, сильный дождь;

Кипя, ярилася пучина;

Ко берегу Рино, горный вождь,

Примчался с дочерью Уллина.

«Рыбак, прими нас в твой челнок;

Рыбак, спаси нас от погони;

Уллин с дружиной недалёк:

Нам слышны крики; мчатся кони».

«Ты видишь ли, как зла вода?
Ты слышишь ли, как волны громки?
Пускаться плыть теперь беда:
Мой чёлн не крепок, вёсла ломки».

«Рыбак, рыбак, подай свой чёлн;
Спаси нас: сколь ни зла пучина,
Пощада может быть от волн - Её не
будет от Уллина!»

Гроза сильней, пучина злей,
И ближе, ближе шум погони;
Им слышен тяжкий храп коней,
Им слышен стук мечей о брони.

«Садитесь, в добрый час; плывём».
И Рино сел, с ним дева села;
Рыбак отчалил; челноком Седая
бездна овладела.

И смерть отвсюду им: открыт Пред
ними зев пучины жадный;
За ними с берега грозит Уллин, как
буря беспощадный.

Уллин ко берегу прискакал;
Он видит: дочь уносят волны;
И гнев в груди отца пропал,
И он воскликнул, страха полный:

«Моё дитя, назад, назад!
Прощенье! возвратись, Мальвина!»
Но волны лишь в ответ шумят На
зов отчаянный Уллина.

Ревёт гроза, черна как ночь;
Летает чёлн между волнами;
Сквозь пену их он видит дочь С
простёртыми к нему руками.

«О, возвратися, возвратись!»
Но грозно раздалась пучина,
И волны, чёлн пожрав, слились При
крике жалобном Уллина.

(1833)

Максимальный балл - 60